

УДК 94(571.16)"1941/1955"
DOI: 10.17223/19988613/57/17

А.В. Горбатов, А.Б. Коновалов

СПЕЦПОСЕЛЕНЦЫ В ЗАПАДНОЙ СИБИРИ: ВОСПРИЯТИЕ РЕГИОНАЛЬНЫМ РУКОВОДСТВОМ, ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА (НАЧАЛО 1940-х – СЕРЕДИНА 1950-х ГОДОВ)

Статья подготовлена при поддержке стипендии Германского исторического института в Москве на проведение исследования по теме «Роль региональной партийной номенклатуры Сибири в обеспечении управления и функционирования системы ГУЛАГ (1940-е – середина 1950-х годов)».

На основе широкого круга архивных документов определяются место и роль спецпоселенцев в социально-экономическом развитии Западной Сибири, а также последствия этнических депортаций для конфессиональной ситуации в регионе. Показаны механизмы влияния регионального партийного руководства на процесс закрепления спецпоселенцев, представлены конкретные примеры возникавших межрегиональных конфликтов и противоречий по поводу использования труда спецконтингента. Реконструирован процесс освобождения спецпереселенцев категории «бывшие кулаки» во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг., выявлены позиции групп партийно-хозяйственной номенклатуры по поводу участия спецконтингента в промышленном производстве.

Ключевые слова: партийная номенклатура; спецпоселенцы; этноконфессиональная специфика; Западная Сибирь.

Введение

Тема участия спецпоселенцев в наращивании экономического потенциала Западной Сибири уже хорошо изучена в отечественной историографии. В работах Р.С. Бикметова, А.А. Долголюка, С.А. Красильникова, Н.М. Маркдорф [1–4] и многих других определены особенности правового статуса, материального обеспечения, направлений трудоустройства так называемого «спецконтингента», в котором немалую роль играли крестьянские и этнические спецпереселенцы. Можно констатировать, что к настоящему времени основательно проработаны механизмы государственного воздействия на спецпоселенцев, показана роль репрессивно-карательных органов, и прежде всего органов НКВД–МВД СССР, в обеспечении контроля за их деятельностью. Публикация сборников документов [5–7] и обстоятельных монографий [8–9] фиксирует складывание отдельного историографического направления по изучению принудительного труда в СССР периода 1940-х – начала 1950-х гг.

Значительно меньшее внимание исследователей уделено проблемам оценки спецпоселенцев как экономической категории (трудовых ресурсов) партийным и ведомственным руководством. Отчасти эти вопросы затронуты в трудах самарского исследователя А.В. Захарченко [10]. Насколько весомым было влияние первых секретарей крайкомов и обкомов ВКП(б) на процесс привлечения спецпоселенцев к решению экономических задач? Какие механизмы включались для направления дополнительного спецконтингента в случае острой необходимости? Как воспринимались спецпоселенцы региональным руководством? Все эти вопросы еще не нашли достаточного освещения в исторической литературе. Между тем представляется очевидным, что в 1940-е – начале 1950-х гг. уже были сформированы противоречия в ведомственных и реги-

ональных интересах, в том числе и в вопросах завоза и использования рабочей силы.

Не менее значимой проблемой для отечественной историографии остается определение влияния спецконтингента на формирование этноконфессиональной специфики в Западной Сибири. Ряд опубликованных работ демонстрирует подходы к подобным исследованиям [11–13], но не дает целостных представлений о масштабах этнических и конфессиональных изменений в регионе.

В данной статье авторы ставят своей целью выявление специфики состава спецпоселенцев как трудового ресурса с точки зрения субъективных представлений западносибирской номенклатуры, а также установление этноконфессиональных последствий нахождения спецконтингента в регионе.

Позиция регионального руководства по регулированию хозяйственной деятельности спецпоселенцев

По мнению С.А. Красильникова и В.В. Сарновой, спецпереселенцы представляли собой универсальную рабочую силу, подходившую для целей форсированной колонизации труднодоступных необжитых районов [14. С. 165]. Огромные контингенты в Западной Сибири трудились в аграрном секторе, угольной, лесной, рыбной промышленности. В условиях ограниченного привлечения трудовых ресурсов спецконтингент представлялся партийному и хозяйственному руководству экономически эффективной силой при низком уровне производственных затрат. Например, мотивация к труду членов семей раскулаченных прежде всего сводилась к возможности избавиться от режимного положения.

Однако факты нарушения режима спецпоселения имели место и не могли не беспокоить руководителей западносибирских регионов. Так, в Нарымский округ

Западно-Сибирского края в первой половине 1930-х гг. были переселены раскулаченные, направленные из основных зерновых районов страны. Находясь в трудпоселках под контролем НКВД, они жили оседло и работали на предприятиях лесной и рыбной промышленности. По состоянию на январь 1943 г. их численность составляла около 78 тыс. человек.

С прибытием этнических переселенцев в начальный период войны возникла необходимость усилить режимные ограничения как для бывших кулаков, так и для новых депортированных категорий. Бюро Новосибирского обкома ВКП(б) 18 ноября 1942 г. приняло решение распространить на спецпереселенцев (немцев, латышей, эстонцев, молдаван, а также контингента из Западной Белоруссии и Украины), переселенных в районы Нарымского округа в 1941 и 1942 гг., правила режима, которые существовали в Нарымском округе для спецпереселенцев-кулаков.

Нарымскому окружному ВКП(б) и окрисполкому поручалось принимать решения, запрещающие свободное передвижение, особенно в те пункты, где нет достаточного продовольственного обеспечения или где продовольственные запасы крайне ограничены. Предлагалось изучить новые места, пригодные для организации новых поселений. Прибытие этнических спецпереселенцев потребовало изменить структуру функционирования поселков, которые подразделялись на трудовые (для семей «раскулаченных») и специальные (для новых депортированных групп).

Необходимость упорядочения расселения этнических спецпереселенцев, определения принципов их взаимоотношений с раскулаченными находилась в числе проблем, которые требовали решения центральными органами. 7 января 1943 г. секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву было направлено совместное обращение секретаря Новосибирского обкома ВКП(б) П.Ф. Ужева и начальника УНКВД по Новосибирской области Л.А. Малинина, в котором они предлагали передать ссыльнопоселенцев и немцев на местах в административное обслуживание комендатур НКВД, в связи с чем реорганизовать существовавшие районные и поселковые комендатуры по трудпоселению в смешанные, именуя их в дальнейшем комендатурами по трудовому и специальному поселению [15. Л. 3]. Трудности в организации работы этнических спецпереселенцев во многом обуславливались неопределенностью их административно-правового положения. Их нельзя было отнести к заключенным, они не считались и эвакуированными.

Для представителей многих депортированных в Западную Сибирь народов со стороны региональных органов власти отсутствовали механизмы их принуждения к высокопроизводительному труду. Летом 1942 г. в район Нарыма были вселены 13 858 человек немцев для использования на рыбной ловле. Эта категория в своем большинстве была расселена в трудпоселенческих поселках, расположенных по руслу р. Оби. Рассматривая свое переселение в Нарымский округ временным, немцы хозяйственно не обустроивались, жилье не строили и стремления к оседлости не проявляли. По мнению регионального руководства, ссыльнопоселенцы самовольно передвигались из одних населен-

ных пунктов в другие, занимались спекуляцией, воровством и, таким образом, являлись тяжелым бременем для основного населения Нарыма.

Заместитель наркома внутренних дел СССР С.Н. Круглов в ответ на письмо Ужева и Малинина проинформировал секретаря ЦК ВКП(б) о том, что «отрицательные явления среди ссыльнопоселенцев имеют место в результате недостаточной борьбы с нарушениями со стороны органов НКВД Новосибирской области» [16. Л. 5]. Было дано распоряжение начальнику УНКВД по Новосибирской области принять меры по более компактному расселению спецконтингентов и прекращению их самовольных выездов с мест расселения без ведома органов НКВД. Выражались требования усилить надзор, привлечь к работе всех трудоспособных и ограниченно годных к труду, организовать разъяснительную работу среди ссыльнопоселенцев и спецпереселенцев, принимать необходимые меры к злостным отказчикам от работы и занимающимся спекуляцией, воровством, бродяжничеством.

Нередко спецпоселенцев пытались привлечь к решению крупных хозяйственных проблем, которые требовали значительных трудовых ресурсов. В условиях военного времени не было никакой возможности направить несколько тысяч человек на стройку промышленных объектов без оформления ходатайств через ЦК ВКП(б), Совнарком СССР и Наркомат внутренних дел СССР. Однако и в этом случае вероятность изыскания резервов была крайне низкой. Так, например, первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин 5 августа 1943 г. информировал ЦК ВКП(б) о мерах по выполнению постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 6 января 1942 г. «О развитии рыбных промыслов в бассейнах рек Сибири и на Дальнем Востоке» [17. Л. 114]. Кулагин писал, что за последние годы оз. Чаны начало мелеть. Происходил процесс осолонения, вымирани ценные породы рыб. Озеро Чаны требовалось пополнять пресной водой из притоков и небольших рек, из болот Барабинской степи. Собственными ресурсами эти работы Новосибирская область выполнить не могла. Поэтому Новосибирский обком ВКП(б) вновь обращался с внесенными, но не принятыми предложениями о направлении в Барабинскую степь до 10 тыс. человек из числа военнопленных или заключенных для проведения указанных работ, что позволило бы расширить базу для рыбной промышленности Барабинского треста. Однако ответственный контролер ЦК ВКП(б) Каганов 1 ноября 1943 г. пояснил, что завоз в Новосибирскую область каких-либо контингентов не предусмотрен. Записку Кулагина с контроля сняли. Этот пример показывает, что в военный период региональным руководителям требовалось максимально бережно подходить к использованию спецконтингента, но категорически возражать в ситуациях, когда ставился вопрос о вывозе трудовых ресурсов за пределы региона.

Между тем руководство НКВД СССР (чаще всего за подписью В.В. Чернышова) сообщало, что произвести переселение трудпоселенцев на предприятия, подчиненные какому-либо отраслевому наркомату, невозможно. Это было связано с тем, что большие кон-

тингенты перебрасывались из области в область, что обостряло проблему трудовых ресурсов на местах. Данному процессу противились и первые секретари областных и краевых комитетов партии.

Трудовые ресурсы из спецконтингента быстро исчерпывались, и это обостряло проблему выполнения плановых заданий. Тяжелая ситуация в 1942–1943 гг. сложилась в рыбной промышленности. 27 мая 1943 г. заместитель наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышов направил секретарю ЦК ВКП(б) А.А. Андрееву записку о проблемах с использованием трудовых ресурсов в отрасли. Постановлениями СНК СССР и ЦК ВКП(б) № 19сс от 6 января 1942 г. и № 1732сс от 24 октября 1942 г. на НКВД СССР возлагалась задача для работы в рыбной промышленности в районах Крайнего Севера переселить в 1942 г. 35 000 человек и в 1943 г. 19 500 человек из числа труд- и спецпоселенцев (бывшие кулаки, немцы и пр.) [17. Л. 60].

В 1942 г. НКВД СССР полностью выполнил решение СНК СССР и ЦК ВКП(б), переселив 50 441 человек (в том числе 15 760 иждивенцев). В том же 1942 г. НКВД СССР в соответствии с решениями Государственного Комитета Обороны оставшаяся трудоспособная часть спецпереселенцев (немцев) в количестве 159 тыс. мужчин и 84 тыс. женщин была мобилизована в рабочие колонны и направлена на работы на важнейшие объекты оборонного строительства, в угольную и нефтяную промышленность.

В результате оказалось, что после проведенных мобилизаций контингентов для переселения в 1943 г. в Якутскую АССР (5 тыс. человек), Красноярский край (10 тыс. человек), Архангельскую (1 500 семей) и Омскую области (3 тыс. человек) на рыбную промышленность резервов не имелось.

В Красноярском крае отобрали 4 995 семей, состоящих из 884 трудоспособных мужчин, многодетных женщин (4 428), инвалидов (355) и детей (7 774). Однако их переселение на Крайний Север для работы в рыбной промышленности не имело экономического смысла.

Как отмечал 28 октября 1943 г. В.В. Чернышов, «в результате в трудпоселенческих поселках остались в основном женщины с детьми и нетрудоспособные старики, переселение которых никакой практической пользы рыболовецким хозяйствам не принесет» [18. Л. 129]. Сообщалось, что областные и краевые комитеты ВКП(б) регионов, в которых находилась основная масса трудпоселенцев – Архангельской, Новосибирской и Омской областей, Красноярского и Алтайского краев, – а также ЦК ВКП(б) Казахстана не считали возможным проведение дальнейшей мобилизации трудпоселенцев. Представляя статистические данные, заместитель наркома внутренних дел СССР просил пересмотреть вопрос о дополнительном отборе переселенцев в рыбную промышленность.

С этим мнением в ЦК ВКП(б) согласились. 17 ноября 1943 г. сотрудник аппарата ЦК ВКП(б) подготовил для А.А. Андреева заключение: «В связи с тем, что НКВД СССР не имеет необходимых контингентов, а время для переселения их в 1943 г. в северные районы Сибири прошло, считаю возможным вопрос закончить» [17. Л. 64]. Бесспорно, конечное решение по

направлению спецконтингента принималось в ГКО СССР, аппарате ЦК ВКП(б) и Совнаркомом СССР, однако в системе подготовки решений о переброске контингентов учитывалась и позиция первых секретарей крайкомов и обкомов ВКП(б).

С течением времени стало очевидным, что перемещение спецконтингента для выполнения хозяйственных заданий стало предметом административного торга между наркоматом внутренних дел СССР и отраслевыми наркоматами при посредничестве ЦК ВКП(б). Отраслевые наркомы жаловались на действия НКВД СССР, который отказывал в увеличении контингентов рабочих на важнейших стройках. Народный комиссар промышленности строительных материалов СССР Л.А. Соснин 24 июня 1945 г. жаловался Г.М. Маленкову, что уже на протяжении года вел безуспешную переписку с заместителем наркома внутренних дел СССР В.В. Чернышовым по поводу завоза рабочих на добычу слюды [19. Л. 111]. При наличии постановления ГКО СССР, которое обязывало завезти на рудники 4 500 человек, за весь 1944 г. и первую половину 1945 г. не было завезено ни одного рабочего. При посредничестве Маленкова Чернышов дал ответ, в котором проинформировал, что всего спецпоселенцев на слюдяные предприятия наркомата промышленности строительных материалов 20 мая направлено 194 семьи (449 человек). Больше спецпоселенцев наркомат внутренних дел выделить не мог и рекомендовал изыскать другие возможности получения рабочей силы.

Таким образом, в период Великой Отечественной войны складываются новые практики взаимоотношений между отраслевыми и партийными органами. Возрастает роль НКВД СССР не только как репрессивно-карательного, но и как экономического института государства. Ограниченность трудовых резервов обострила противоречия в партийной и хозяйственной элите как на союзном, так и на региональном уровне, обозначив проблему межрегиональной конкуренции за выполнение текущих производственных планов.

Роль партийного руководства Западной Сибири в освобождении спецпереселенцев из контингента «бывшие кулаки»

С окончанием Великой Отечественной войны отношение к спецпоселенцам из крестьян со стороны государственных органов меняется в лучшую сторону. Еще в военный период было очевидным, что трудоустройство этой категории спецконтингента давало наилучший экономический результат. Множество источников свидетельствует о награждении спецпоселенцев из бывших кулаков орденами и медалями СССР. Многие из них были призваны в действующую армию и отмечены боевыми наградами.

При рассмотрении практики снятия ограничений с бывших раскулаченных принципиально важным вопросом остается роль региональной номенклатуры в этом процессе. Насколько серьезным на принятие решений было влияние ходатайств, присланных с мест? Или их подготовка была отрежессированной кампанией? Уже упомянутый В.Н. Земсков полагал, что «в решении

этой проблемы многое зависело от инициативы местных властей, а также от позиции заинтересованных министерств и ведомств» [8. С. 151].

По данным В.Н. Земскова, за период с августа 1946 по январь 1952 г. на основании ходатайств местных партийных и советских органов Совет Министров СССР принял 14 специальных постановлений, по которым в 28 республиках, краях и областях спецпоселенцы контингента «бывшие кулаки» были почти полностью (за исключением немцев, калмыков, чеченцев и некоторых других национальностей) сняты со спецучета [Там же. С. 146]. В числе регионов Западной Сибири, откуда были направлены ходатайства, числились Новосибирская, Омская и Томская области [Там же. С. 146–147]. Массовый характер направленных в Москву обращений в определенный хронологический период, конечно, не может свидетельствовать о полной самостоятельности в действиях региональных лидеров. Очевидно, что до них были доведены какие-то рекомендации по оформлению ходатайств.

Вместе с тем анализ подписанных первыми секретарями писем демонстрирует значительные различия в аргументации изменения режима спецпоселения. 20 марта 1947 г. первый секретарь Новосибирского обкома ВКП(б) М.В. Кулагин информировал секретаря ЦК ВКП(б) А.А. Кузнецова о расселении 1 165 семей бывших кулаков, которые «за время нахождения в спецпоселении хозяйственно обустроились и закрепились на постоянное жительство в Сибири». Кузнецов считал нецелесообразным «дальнейшее обслуживание бывших кулаков по линии органов МВД» и просил указаний ЦК ВКП(б) о снятии с них ограничений и переводе их на положение правового населения. По мнению новосибирского руководителя, «за последние 5 лет и особенно в годы Отечественной войны серьезных антисоветских выпадов и проявлений среди бывших кулаков не было. Трудились они наравне с правовым населением и зарекомендовали себя с положительной стороны» [20. Л. 103]. После знакомства А.А. Кузнецова с письмом из Новосибирского обкома Министерство внутренних дел СССР возбудило ходатайство перед Советом Министров СССР об освобождении из спецпоселения бывших кулаков, расселенных на территории Новосибирской области [21. Л. 16]. Об этом секретаря ЦК информировал лично министр внутренних дел С.Н. Круглов. Постановлением Совета Министров СССР от 21 июля 1947 г. № 2598-802сс с режима спецпоселения по Новосибирской области были сняты 2 472 человека из контингента «бывшие кулаки» [8. Л. 147].

Одна из наиболее обстоятельных записок такого рода 31 июля 1949 г. была направлена томскими руководителями Д.К. Филимоновым (председатель облисполкома) и И.А. Смольяниновым (второй секретарь обкома партии) заместителю председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии. На пяти листах подробно описывался вклад бывших кулаков-спецпоселенцев в развитие области. Отмечалось, что «за время пребывания на спецпоселении бывшими кулаками проделана большая работа по освоению Нарымской тайги, разработке новых земельных угодий, прокладке и строительству новых дорог, жилищному и хозяйствен-

ному строительству» [22. Л. 83–84]. Отмечалась роль спецпоселенцев в сборе средств на укрепление обороны СССР и подписке на государственные военные займы. Некоторые семьи вносили из личных накоплений от 5 до 25 тыс. руб., а члены сельхозартели XVIII партсъезда Колпашевского района явились инициаторами постройки колонны самоходных орудий и внесли наличными деньгами на строительство колонны 100 тыс. руб. Более 1 млн руб. собрали из личных сбережений члены сельхозартели Пудинского района для строительства танков и самолетов.

Спецпоселенцами досрочно выполнялись и перевыполнялись государственные планы хлебопоставок, сдачи мясных и молочных продуктов. В 1946–1947 гг. фиксировалась высокая активность в голосовании на выборах в Верховные Советы СССР и РСФСР, местные советы депутатов трудящихся. Постановлением Совета Министров СССР № 245-74 сс от 21 января 1950 г. в отношении 27 490 спецпоселенцев Томской области был отменен особый режим и выданы справки для получения паспортов на общих основаниях [8. С. 146].

В монографии «Спецпоселенцы в СССР» В.Н. Земсков приводит сведения, что в 1947–1951 гг. органы МВД–МГБ Коми АССР, Мурманской и Курганской областей неоднократно ставили вопрос о снятии ограничений в правовом положении с бывших кулаков перед местными партийными и советскими органами. Однако последние уклонялись от подготовки ходатайств.

В пользу версии о том, что у партийных органов на местах была определенная свобода действий в части подписания и отправки в Москву документов на снятие с бывших кулаков режима спецпоселения, свидетельствует наличие нескольких кампаний по подготовке таких документов. Первая кампания проводилась в 1946–1947 гг., что позволило освободить 326 611 человек, в том числе на территории Алтайского края, Кемеровской, Томской и Тюменской областей. Министерство внутренних дел СССР в ноябре подготовило проект постановления Совмина СССР «Об отмене режима спецпереселенцев бывших кулаков» (проект предусматривал изменение снятия ограничений со спецпоселенцев Узбекской ССР, а также двух автономных республик и 12 областей в составе РСФСР). Однако, по данным В.Н. Земскова, постановление не только не было принято, но и с конца 1947 г. процесс полного освобождения бывших кулаков по регионам замедлился [Там же. С. 150].

Причины изменений политики по освобождению бывших кулаков крылись в ведомственной заинтересованности сохранить их статус. Отраслевые министерства отмечали высокий уровень профессионального мастерства спецпоселенцев из бывших кулаков на производстве и не считали возможным утрачивать их как рабочую силу. В угольной промышленности Кузбасса техническое руководство было довольно производственными успехами спецпоселенцев. Например, по трестам «Кузнецкуголь» и «Куйбышевуголь» из 3 313 человек спецпоселенцев – бывших кулаков в третьем квартале 1948 г. не выполнил нормы только 81 человек [23. С. 113].

Поэтому стало очевидным различие в подходах к проблеме спецпоселенцев: если партийно-советское руководство не видело причин для сохранения ограничений для бывших кулаков, то начальство, подчиненное отраслевыми министерствам, считало необходимым режим сохранить. Показательный пример иллюстрирует ситуацию в Кемеровской области. 26 марта 1949 г. записку о необходимости снятия ограничений с бывших кулаков, расселенных на территории Кузбасса, направили И.В. Сталину первый секретарь Кемеровского обкома ВКП(б) Е.Ф. Колышев и председатель облисполкома В.А. Москвин. В числе аргументов для принятия положительного решения назывался преклонный возраст глав семей бывших кулаков и большое количество в семьях несовершеннолетних детей, активное участие спецпоселенцев в реализации четвертого пятилетнего плана [24. Л. 75–76]. Однако вопрос решен не был «в связи с возражением Министерства угольной промышленности СССР», которое боялось потерять бывших кулаков как рабочую силу [8. С. 151].

В монографии Земскова показано, что в вопросе по снятию ограничений с бывших кулаков не было единства ни в Министерстве внутренних дел, ни на местах. Периодически региональные руководители ставили этот вопрос перед центральными органами вновь. Так, 20 мая 1953 г уже новые руководители области М.И. Гусев и П.И. Морозов направляют ходатайство на имя заместителя председателя Совета Министров СССР Л.П. Берии. В документе отмечалось, что в период с 1944 г. по 1 мая 1953 г. по мотивам службы членов семей спецпоселенцев, бывших кулаков, в Советской Армии, награждения орденами и медалями Советского Союза и по достижении 16-летнего возраста освобождено из спецпоселения 49 513 человек. Требовалось решить вопрос о снятии ограничений по спецпоселению в отношении 7 163 человек взрослых спецпоселенцев и находившихся на их иждивении детей до 16-летнего возраста (3 700 человек) [25. Л. 59]. В числе оснований для снятия ограничений отмечалось, что подавляющее большинство спецпоселенцев из бывших кулаков «честно относились и относятся к труду, активно участвуют в выполнении задач, поставленных перед трудящимися Кузбасса». В их числе 39 человек имели звания мастеров угля, 88 человек – почетных шахтеров.

Таким образом, можно сделать вывод, что во второй половине 1940-х – начале 1950-х гг. усиливается дифференциация позиций в группах партийной и хозяйственной номенклатуры по вопросам использования спецконтингента в промышленности. Существовали группы интересов, которые полагали допустимым сохранить механизмы социальной дискриминации в целях форсированного достижения плановых показателей. Напротив, партийное руководство регионов, как и руководство МВД СССР, считало необходимым снять существовавшие ограничения.

Политическая оценка спецконтингента номенклатурой

Значительная роль спецконтингента в экономике западносибирских регионов признавалась большин-

ством партийных и хозяйственных руководителей. Однако при этом низкая оценка социального статуса спецпоселенцев зачастую вызывала пренебрежительное отношение к ним со стороны начальства.

Фактический материал показывает, что в процессе обсуждения хозяйственных задач спецпоселенцы рассматривались прежде всего как источник рабочей силы, не заслуживающей равных возможностей со свободным населением. Начальник Кемеровского областного управления МВД В.В. Губин, выступая на одном из пленумов обкома партии, утверждал, что поселенцы как рабочие являются полноценными гражданами и должны пользоваться одинаковыми правами в части обеспечения культурно-бытовых условий с остальными. Председатель облисполкома подал реплику: «Насчет полноценности... спецконтингента мы сомневаемся». Начальник шахты 3-3-бис в г. Прокопьевске, критикуемый за упущения в работе со спецконтингентом, заявлял: «Я ничего делать не буду, у меня нет времени заниматься всякой вашей швалью...» [26. Л. 86–87].

Однако такую позицию все-таки разделяли не все хозяйственники. Бывший начальник комбината «Кузбассуголь» и нарком строительства предприятий топливной промышленности СССР А.Н. Задемидко оценивал работу трудмобилизованных на шахтах в период войны и первые послевоенные годы следующим образом: «Есть государственное решение, что они должны работать. Это совпадало с моим понятием. Почему я, как какая-то рабочая лошадь, должен трудиться и любой рабочий должен трудиться для того, чтобы бездельников кормить, которые сидят там в лагерях?! Пусть работают! Другое дело, что абсолютно недопустимо издевательство – физическое, моральное, какое угодно. Что работающие люди должны вознаграждаться за свой труд на основании тех же принципов, что и члены профсоюза. Заработал – получай! Спецодежда полагается по закону? Вынь и положи! Восьмичасовой рабочий день, отдых» [27. С. 235]. Вместе с тем стоит предположить, что такая позиция сформировалась у бывшего наркома уже с течением времени и не отражала реального отношения к спецконтингенту в период войны.

В военное время и в первые послевоенные годы дискриминируемые по разным основаниям группы были вычеркнуты из общественно-политической жизни. Не имели права писать о них в прессе. Любое случайное упоминание рассматривалось как грубая политическая ошибка, которая виновным могла стоить должностей и даже партийного билета. В докладной записке начальнику Управления пропаганды и агитации ЦК ВКП(б) Г.Ф. Александрову от 13 января 1946 г. сообщалось, что редакция газеты смоленского района Алтайского края «Ударник полей» поместила ответ на провокационный вопрос «Имеют ли избирательные права пленные немцы и японцы?» со ссылкой на указание ЦК ВКП(б). Крайком ВКП(б) снял с работы редактора газеты и указал секретарю райкома и заведующему отделом пропаганды и агитации райкома, а также автору ответа [28. Л. 8].

Противоречивая позиция в политических оценках сформировалась в послевоенный период и в отноше-

нии бывших ссыльных из крестьян. Несмотря на просьбы о снятии ограничений с бывших раскулаченных, находившихся на спецпоселении, в региональном руководстве отношение к этой категории спецконтингента оставалось весьма настороженным. Значимым маркером было ограничение доступа на номенклатурные должности лиц, родственники которых пребывали в статусе спецпереселенцев. В 1951 г. для первого секретаря Томского обкома партии А.В. Семина подготовили список номенклатурных работников, на которых имелся компрометирующий материал. В основном было достаточно таких данных: «Дядя (секретаря Колпашевского райкома ВКП(б). – А.К.) имел кулацкое хозяйство – мельницу, в 1929–1930 гг. осужден. Отбывал наказание в ИТЛ. Женат на спецпереселенке»; «Муж сестры (заведующего сельскохозяйственным отделом Верхне-Кетского райкома ВКП(б). – А.К.) – бывший спецпереселенец, сейчас живет в г. Сталинске Кемеровской области»; «Хозяйство отца (консультанта Томского горкома ВКП(б). – А.К.) было признано кулацким, и семья была выслана из пределов района» [29. Л. 44–48]. Такие списки составлялись повсеместно и существенно осложняли карьеру для перспективных партийных аппаратчиков.

Надзор за поведением спецпоселенцев велся в систематическом режиме и не прекратился после смерти Сталина. В июльские дни 1953 г., когда в Москве «разоблачили» деятельность Л.П. Берии, сотрудники управления МВД по Томской области систематизировали данные о нестандартных высказываниях. Их в формате спецсообщений направляли первому секретарю Томского обкома КПСС В.А. Москвину. 13 июля 1953 г. начальник управления Н.С. Великанов представил обзор высказываний спецпоселенцев, в числе которых можно выделить следующие: «Меня, конечно, это сообщение (об аресте Берии. – А.К.) интересует только с точки зрения того, насколько улучшится наше положение. Я лично думаю, что должно быть лучше – будут снимать с учета. Берия, возможно, и не был связан с иностранными государствами, а просто это была борьба за власть, он хотел быть диктатором». Другой спецпоселенец Ш., по национальности немец, в разговоре о сообщении ЦК КПСС и Президиума Верховного Совета СССР сказал: «Я так и предполагал, что после смерти Сталина будут большие события. И теперь не все еще кончилось – борьба за портфель будет продолжаться и дальше». Еще один спецпоселенец Ж., учтенный как «литовский националист», высказал неверие в виновность Берии: «Может, все будет так же, как с врачами-вредителями. Подняли такой шум, а потом все пошло насмарку – никаких вредителей-отравителей не отказалось, так будет и сейчас. Берия еврей, а евреев задеть опасно, их будет поддерживать Англия, Америка и все остальные. Когда врачей-евреев задела, то за рубежом началось большое движение протеста. Будут протестовать и сейчас» [30. Л. 161–162]. Внимание к оценкам спецпоселенцев, их систематизация и представление партийному руководителю области фиксируются также и в связи с окончанием следствия по делу Берия в декабре 1953 г. Первый секретарь Томского обкома КПСС В.А. Москвин с этим спецсо-

общением ознакомился в день приведения приговора в отношении Берии – 23 декабря [31. Л. 349–352].

Очевидно, что в сознании партийного руководства любые дискриминированные советским государством категории, вне зависимости от статуса и степени правомерности их поведения, рассматривались как потенциальные враги. В номенклатурной среде недоверие к бывшим спецпоселенцам объяснялось обидой на советскую власть. Ограничения на доступ во властные институты для потенциальных номенклатурных функционеров из семей спецпоселенцев были сняты лишь в 1960-е гг.

Переселенцы и этноконфессиональная специфика

При рассмотрении влияния спецпереселенцев на этноконфессиональную специфику стоит отметить, что население Западной Сибири традиционно представляло собой пеструю религиозную картину (Русская православная церковь, буддизм, мусульманство, иудаизм, старообрядчество различных согласий и толков, баптизм, шаманизм и др.) Итогом вероисповедной политики государства к началу Великой Отечественной войны явился факт институциональной ликвидации в Сибири практически всех религиозных сообществ. С другой стороны, переселенческая политика в 1940-х – начале 1950-х гг. изменила конфессиональную карту послевоенной Западной Сибири и обусловила появление и функционирование на ее территории новых, нетрадиционных для региона этноконфессиональных групп и общин. В довоенные годы основной контингент спецпоселений представляли раскулаченные крестьяне, большая часть которых была перевезена из европейской части СССР. Многие представители этого русского и украинского контингента являлись ревностными приверженцами православия, будущими активными прихожанами РПЦ.

В 1940–1950-е гг. можно выделить следующие друг за другом волны переселений, привлечшие в регион различные религиозные сообщества и этнические группы. Таким образом, мы опосредованным образом можем проследить динамику распространения религиозных групп и общин, исходя из политики перемещения населения советским государством (таблица).

Так, за несколько недель до нападения нацистской Германии на СССР были депортированы лица из вновь присоединенных Литвы, Западной Украины и Белоруссии (преимущественно поляки, но также украинцы, белорусы, евреи др.) – пятидесятники, униаты, баптисты, свидетели Иеговы, иудеи.

Великая Отечественная война вызвала следующий поток переселений. В западносибирские регионы были перемещены лица, традиционно исповедующие религии протестантских деноминаций (поволжские немцы, латыши, эстонцы, финны, карелы), католицизм (литовцы, западные белорусы, поволжские немцы, поляки), ислам (балкарцы, крымские татары, чеченцы, турки-месхетинцы и пр.).

В конце лета 1941 г. началась массовая депортация немцев – лютеране, католики, меннониты, баптисты, адвентисты, пятидесятники. Вместе с ними отправи-

лись в Западную Сибирь и другие «наказанные» народы: представители Северного Кавказа (чеченцы, ингуши, карачаевцы, балкарцы) – мусульмане, крымские татары – мусульмане и др.

Насильственное перемещение осуществлялось и по религиозным основаниям. 1 673 представителей правоохранительного радикального оппозиционного дви-

жения в РПЦ – истинно-православных христиан (ИПХ) преимущественно из регионов Центральной России были депортированы летом 1944 г. [32. С. 190], их большая часть расселена в Западной Сибири. К примеру, в Тюменской области к 1 января 1949 г. было зафиксировано 454 спецпоселенца – приверженца этого движения, Томской – 444 [8. С. 165; 33. С. 151–165].

Спецпоселенцы в Западной Сибири на 1 января 1953 г.*

Регионы	Контингент спецпоселенцев												
	Немцы	Из Прибалтики	«Оуновцы»	Калмыки	Бывшие кулаки	Из Молдавии	ЧМП	«Власовцы»	По указу	СИ	ИПХ	Другие	Всего на 01.01.1953
Алтайский край	97 616	2 064	7	18 581	547	4 262	15 447	6	–	–	1	55	138 586
Кемеровская обл.	65 653	213	28 577	227	12 329	1 548	3	5 101	2 959	–	–	4 988	121 598
Новосибирская обл.	78 873	9 499	220	17 719	–	476	2	316	1	–	4	3 054	110 164
Омская обл.	42 299	21 433	12 812	9 838	1	518	–	23	1	–	–	384	87 309
Томская обл.	26 006	20 688	11 679	1 124	8 444	3 317	4 419	54	–	3 118	448	796	80 093
Тюменская обл.	28 695	1 286	5 904	10 364	5 718	9 397	–	36	3 387	–	391	3 501	68 679
Всего	339 142	55 183	59 199	57 853	27 039	19 518	19 871	5 536	6 348	3 118	844	12 778	606 429

* Составлено и подсчитано по данным В.Н. Земскова [8. С. 214–219].

Примечание. Немцы – выселенные, репатриированные, местные; из Прибалтики – литовцы, эстонцы, латыши; «оуновцы» – представители «Организации украинских националистов»; ЧМП – выселенные с черноморского побережья Кавказа («дашнаки», греки, турки); «власовцы» – русские коллаборационисты в составе вермахта; по указу – в соответствии с указом от 2 июня 1948 г. «О выселении в отдаленные районы страны лиц, злостно уклоняющихся от трудовой деятельности и ведущих антиобщественный паразитический образ жизни»; СИ – свидетели Иеговы; ИПХ – истинно православные христиане; другие – из западных областей УССР и БССР, Крыма, Грузии, с Северного Кавказа, «фольксдойче» – этнические немцы до 1945 г., которые жили за пределами Германии.

В послевоенный период (1946–1953 гг.) последовала вторичная крупная волна переселений. В очередной раз были переселены жители Прибалтики (католицизм, протестантские деноминации), Молдавии (свидетели Иеговы), немцы, греки, турки и армяне с черноморского побережья Кавказа, а также бывшие коллаборационисты из РОА и сторонники Организации украинских националистов (грекокатолики, баптисты, пятидесятники). Из переселенных народов преобладали немцы (см. таблицу), ко второй половине XX в. они уже являлись одной из наиболее крупных по численности национальных групп в Западной Сибири.

Следует также учитывать и значительную часть православных верующих в среде крестьянских спецпоселенцев. По данным на март 1949 г. в составе спецпоселенцев контингента «бывшие кулаки» русские составляли абсолютное большинство в Кемеровской, Томской, Тюменской, Мурманской, Амурской, Курганской областях и Хабаровском крае. В Алтайском крае на первом месте по численности находились украинцы [Там же. С. 151].

Указ Президиума Верховного Совета СССР от 26 ноября 1948 г. «Об уголовной ответственности за побеги из мест обязательного и постоянного поселения лиц, выселенных в отдаленные районы СССР в период Отечественной войны» фиксировал переселение навечно, без права возврата к прежним местам жительства. Этот документ значительно усугубил положение «наказанных народов». Ожидания получения долгожданной свободы в условиях перехода к мирной жизни оказались совершенно несбыточными. Данное обстоятельство, считаем, послужило катализатором как для радикализации взглядов репрессированных, так и для вхождения их в сообщества, идеологически альтернативные советскому режиму, – религиозные организации. Значительная часть переселенцев, прежде всего из Западной Украины и республик Прибалтики, националистически настроенная, в большинстве своем

крайне негативно относилась к действующей в СССР социалистической системе. В докладной записке управления КГБ Хакасской автономной области за январь 1957 г. утверждалось, что «об этом свидетельствуют многочисленные материалы, имеющиеся в распоряжении управления КГБ области. Многие из них мечтают о восстановлении капиталистических порядков в СССР, надеются на победу империализма в предстоящей мировой войне, которая, по их мнению, приведет к гибели социалистического строя» [34. Л. 1]. Считаем, что такие настроения в целом были характерны для ситуации в Сибири.

Последняя крупная депортация лиц, ранее проживавших в западных областях Украинской и Белорусской ССР, Молдавской, Латвийской и Эстонской ССР, в 1952 г. привела, по сути, к возникновению нового крупного религиозного объединения на территории Сибири. Неожиданно появившаяся пассионарно настроенная «антисоветская нелегальная секта» свидетелей Иеговы в количестве почти 6 тыс. человек добавила множество забот (на долгие годы) органам госбезопасности в сибирских регионах.

Во многом «благодаря» депортационной политике в Западной Сибири можно было обнаружить крупные немецкие районы в городах, где активно осуществляли свою религиозную деятельность общины и группы евангельских христиан-баптистов, лютеран, меннонитов. В тайге Томской и Тюменской областей скрывались ИПХ, противостоящие «власти антихриста». Соседствующие с Кемеровской областью и Горно-Алтайской автономной областью христиане веры евангельской из Хакасии, возглавляемые бывшими спецпоселенцами – семьями Ващенко и Чмыхаловыми («Сибирская семерка»), активной борьбой за свои права превратили провинциальный город Черногорск в известный западному миру центр радикального пятидесятничества всей Сибири. Один из крупнейших центров движения свидетелей Иеговы в СССР находился

в Томской области. Образовавшиеся в послевоенный период указанные религиозные центры оказывали существенное влияние на конфессионально-родственные общины и группы всей Сибири и Дальнего Востока [35. С. 185–189].

Резкое уменьшение количества адептов религиозных сообществ, понижение религиозной активности тоже зачастую коррелирует с переселенческой политикой. Постепенное ослабление режима поселений, поэтапное освобождение с 1953 по 1956 г., как правило, приводили к отъезду на родину, а чаще переселению бывших спецпоселенцев в более подходящие места как для проживания, так и для удовлетворения духовных потребностей.

Выводы

Изменения административно-политического статуса спецпоселенцев в Западной Сибири начала 1940-х – середины 1950-х гг., наличие нескольких волн депортаций способствовали трансформации их роли в региональной экономике и оценки деятельности со стороны партийно-хозяйственной номенклатуры. Общее негативное восприятие дискриминированных групп населения региональным руководством все же давало

возможность для их дифференциации по мотивации к труду и степени производительности. Наиболее ценной категорией спецконтингента признавались крестьянские спецпереселенцы, ставшие объектом региональных и ведомственных интересов. Борьба партийных руководителей и отраслевых наркоматов (министерств) за увеличение контингентов из спецпоселенцев при общем нежелании стимулировать социальное развитие в конечном итоге привела к исчерпанию экономической эффективности принудительного труда.

Депортационная государственная политика в течение более чем двух десятков лет существенным образом повлияла на религиозную карту Западной Сибири и привела к трансформации ареала расселения различных этносов, особенно немцев. В то же время распространение нетрадиционных для региона конфессий по территории Западной Сибири вызывало глубокую озабоченность у политического руководства регионов, создало предпосылки для жесткого идеологического противостояния в будущем. Многие верующие спецпереселенцы и их домочадцы в последующие десятилетия составят руководящее ядро ряда незаконных религиозных организаций, активно противостоящих вероисповедной политике советского государства.

ЛИТЕРАТУРА

1. Долголюк А.А. Принудительный труд на сибирских стройках в первое послевоенное десятилетие // Вестник Новосибирского государственного университета. Сер. Отечественная история. 2007. № 2. С. 56–60.
2. Бикметов Р.С. Лагерный сектор в экономике Кузбасса в первые послевоенные годы (1945–1947): производственная деятельность и структурные изменения // Гуманитарные науки в Сибири. 2009. № 2. С. 85–89.
3. Красильников С.А. Режимный сегмент советской экономики: становление системы спецпоселений в первой половине 1930-х годов // *Magistrae Vitae* : электронный журнал по историческим наукам и археологии. 2016. № 1. С. 64–76.
4. Маркдорф Н.М., Долголюк А.А. Ленинградские немцы на спецпоселении в Кемеровской области (1941–1956) // Ежегодник Международной ассоциации исследователей истории и культуры российских немцев. 2015. № 1. С. 174–184.
5. История сталинского ГУЛАГа. Конец 1920-х первая половина 1950-х годов : Собрание документов : в 5 т. М. : РОССПЭН, 2004. Т. 5: Спецпереселенцы в СССР. 824 с.
6. Сталинские депортации. 1928–1953 / под общ. ред. А.Н. Яковлева; Сост. Н.Л. Поболь, П.М. Полян. М. : МВД ; Материк, 2005. 904 с. (Россия XX век. Документы).
7. Иностранцы военнопленные в Кузбассе в 1940-е годы : документы и материалы / сост. К.Д. Лукин, В.В. Сенкус, Г.Ф. Шабалин; под ред. Н.М. Маркдорф-Сергеевой, Р.С. Бикметова. Кемерово : Кузбассвузиздат, 2002. 252 с.
8. Земсков В.Н. Спецпоселенцы в СССР, 1930–1960. М. : Наука, 2003. 306 с.
9. Бердинских В.А. Спецпоселенцы. Политическая ссылка народов Советской России. М. : Новое лит. обозрение, 2005. 765 с.
10. Захарченко А.В. «Ведомственный эгоизм»: правительство, Госплан и хозяйственные амбиции агентов советской экономики в использовании труда военнопленных в 1945–1949 гг. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18, № 3. С. 116–126.
11. Сердюк М.Б. Религиозные группы в среде спецпоселенцев Приамурья в 1941–1954 гг. // Вестник Бурятского государственного университета. 2010. № 7. С. 21–26.
12. Глушаев А.Л. Без проповедников, в углу барачков...»: протестанские «барачные общины» в пермском Прикамье 1940–1950-х гг. // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2012. Т. 30, № 3–4. С. 257–283.
13. Глушаев А.Л. Спецпоселенцы и религиозные движения пермского Прикамья. 1940–1950-е годы // Религиоведение. 2012. № 1. С. 50–55.
14. Красильников С.А., Сарнова В.В. Спецпереселенцы // Историческая энциклопедия Сибири. Т. 3. Новосибирск : Историческое наследие Сибири, 2009. С. 164–168.
15. Российский государственный архив социально политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 121. Д. 243.
16. РГАСПИ. Ф. 121. Оп. 121. Д. 242.
17. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 241.
18. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 122. Д. 46.
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 384.
20. Государственный архив Новосибирской области (ГАО). Ф. П-4. Оп. 34. Д. 257.
21. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 121. Д. 611.
22. Центр документации новейшей истории Томской области (ЦДНИТО). Ф. 607. Оп. 1. Д. 1140.
23. Неизвестный Кузбасс : сб. архивных документов / сост. Н.В. Галкин; ред. В.А. Сергиенко. Кемерово, 1995. Вып. 2: Тоталитарная система: Палачи и жертвы.
24. Государственный архив Кемеровской области (ГАКО). Ф. П-75. Оп. 2. Д. 303.
25. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 7. Д. 197.
26. ГАКО. Ф. П-75. Оп. 2. Д. 227.
27. Коновалов А.Б. Беседа со сталинским наркомом Александром Николаевичем Задемидко в 2000 году // Разыскания: историко-краеведческий альманах / сост. Л.Ф. Кузнецова. Кемерово : Примула, 2010.
28. Государственный архив Алтайского края (ГАО). Ф. П-1. Оп. 30. Д. 50.
29. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1148.

30. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1924.
31. ЦДНИТО. Ф. 607. Оп. 1. Д. 1942.
32. Шкаровский М.В. Иосифлянство: течение в Русской Православной Церкви. СПб., 1999.
33. Земсков В.Н. Заклоченные, спецпоселенцы, ссыльнопоселенцы, ссыльные и высланные : (статистико-географический аспект) // История СССР. 1991. № 5. С. 151–165.
34. Центральный государственный архив Республики Хакасия (ЦГАРХ). Ф. 2. Оп. 1. Д. 2364.
35. Федирко О.П. Пятидесятники Амурской области во второй половине XX в. // Россия и Китай: история и перспективы сотрудничества : материалы VIII Междунар. науч.-практ. конф. Благовещенск. 2018. С. 185–189.

Gorbatov Alexey V. Kemerovo State University (Kemerovo, Russia). E-mail: orbn1965@yandex.ru

Konovalov Alexander B, Kemerovo State University (Kemerovo, Russia).

SPECIAL SETTLERS IN WESTERN SIBERIA: PERCEPTION BY REGIONAL LEADERSHIP, ETHNO-RELIGIOUS SPECIFICS (EARLY 1940s – MID 1950s)

Keywords: party elite; special settlers; ethnic and religious specificity; Western Siberia.

Special settlers in the USSR were considered not only as a discriminated social group, but also as an important labor resource. Each regional leader sought to ensure that the industrial development targets set by the central authorities were met. In the conditions of the Great Patriotic War there was a huge shortage of labor. That is why the category of special settlers began to be considered as a necessary source of ensuring the work of leading industries. In Western Siberia, the work of special settlers was used in the coal, forest, fishing industry, enterprises of defense industries. Regional leaders, together with the sectoral People's Commissars, asked the Central authorities to increase the quotas for the movement and use of the contingent. However, resources were limited. The resettlement of the special contingent, its use had become the subject of administrative bargaining. In this process, the apparatus of the Central Committee of the party played an important role. Its employees acted as mediators in resolving disputes between regional leaders.

At the same time, the role of the People's Commissariat for Interior Affairs of the USSR, which appeared not only as a repressive and punitive, but also as an economic institution, was growing. Regional leaders (the first secretaries of the regional and regional committees of the party, the chairmen of the executive committees) sought to agree with the leadership of the NKVD of the USSR on the placement of labor and special settlements.

The perception of special settlers by the regional leadership was extremely controversial. On the one hand, representatives of the party and economic nomenclature were satisfied with the results of the work of peasant special settlers. This fact served as the basis for the preparation of applications for the removal of any restrictions from them. On the other hand, the economic value of special settlers was understood by representatives of the economic management. They sought to limit changes in the regime of special settlement.

Until the mid-1950s, special settlers were regarded as a group hostile to the Soviet state system. The presence of relatives from special settlers was considered a compromising fact of party workers. The daily life of the special settlers was monitored behind the scenes. Carefully recorded assessment of the political situation, which expressed the peasant and ethnic immigrants.

The presence of the population deported from the European part of the USSR in Western Siberia changed the ethno-confessional situation in the region. Residents of the Baltic States, Moldova, Western Ukraine and Belarus were resettled. This affected the formation of Catholic and Protestant communities, religious groups of Christian Baptists, Lutherans and Mennonites in the region. The decrease in the number of adherents of religious communities correlated with resettlement policy. Removal of special settlers of Western Siberia from the register in the mid-1950s allowed large groups of believers to return home.

REFERENCES

1. Dolgolyuk, A.A. (2007) Prinuditel'nyy trud na sibirskikh stroykakh v pervoe poslevoennoe desyatiletie [Forced labour at Siberian construction sites in the first post-war decade]. *Vestnik NGU. Seriya "Otechestvennaya istoriya"*. 2. pp. 56–60.
2. Bikmetov, R.S. (2009) Lagernyy sektor v ekonomike Kuzbassa v pervye poslevoennyye gody (1945–1947): proizvodstvennaya deyatel'nost' i strukturnye izmeneniya [The camp sector in the economy of Kuzbass in the early postwar years (1945–1947): production activities and structural changes]. *Gumanitarnyye nauki v Sibiri – Humanitarian Sciences in Siberia*. 2. pp. 85–89;
3. Krasilnikov, S.A. (2016) Regime segment of the Soviet economy: the creation of the special settlements system in the first half of the 1930s. *Magistrae Vitae: elektronnyy zhurnal po istoricheskim naukam i arkhologii – Magistra Vitae: Electronic Journal of Historical Sciences and Archeology*. 1. pp. 64–76. (In Russian). DOI: 10.24411/2542-0275-2016-00022
4. Markdorf, N.M. & Dolgolyuk, A.A. (2015) Leningradskie nemtsy na spetsposelenii v Kemerovskoy oblasti (1941–1956) [Leningrad Germans in special settlements in Kemerovo Region (1941–1956)]. *Ezhгодnik Mezhdunarodnoy assotsiatsii issledovateley istorii i kul'tury rossiyskikh nemtsev*. 1. pp. 174–184.
5. Vert, N. & Mironenko, S.V. (eds) (2004) *Istoriya stalinskogo GULAGA. Konets 1920-kh pervaya polovina 1950-kh godov. Sobranie dokumentov v 5 tomakh* [History of Stalin's Gulag. The late 1920s – first half of the 1950s. Collection of documents in 5 vols]. Vol. 5. Moscow: ROSSPEN.
6. Yakovlev, A.N. (ed.) (2005) *Stalinskie deportatsii. 1928–1953* [Stalinist deportations. 1928–1953]. Moscow: MVD; Materik.
7. Markdorf-Sergeeva, N.M. & Bikmetov, R.S. (eds) (2002) *Inostrannyye voennoplennyye v Kuzbasse v 1940-e gody: dokumenty i materialy* [Foreign prisoners of war in Kuzbass in the 1940s: documents and materials]. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat.
8. Zemskov, V.N. (2003) *Spetsposelentsy v SSSR, 1930–1960* [Special settlers in the USSR, 1930–1960]. Moscow: Nauka.
9. Berdinskikh, V.A. (2005) *Spetsposelentsy. Politicheskaya slylka narodov Sovetskoy Rossii* [Deportees. The political link of the peoples of Soviet Russia]. Moscow: Novoe literaturnoe obozrenie.
10. Zakharchenko, A.V. (2016) "Vedomstvennyy egoizm": Pravitel'stvo, Gosplan i khozyaystvennyye ambitsii agentov sovetskoy ekonomiki v ispol'zovanii truda voennoplennykh v 1945–1949 gg. ["Departmental Egoism": Government, Gosplan, and Economic Ambitions of Agents of the Soviet Economy in the Use of Labor of Prisoners of War in 1945–1949]. *Izvestiya Samarskogo nauchnogo tsentra Rossiyskoy akademii nauk – Izvestia of Samara Scientific Center of the Russian Academy of Sciences*. 18(3). pp. 116–126.
11. Serdyuk, M.B. (2010) Religioznye gruppy v srede spetsposelentsev Priamur'ya v 1941–1954 gg. [Religious groups among the deportees of Amur region in 1941–1954]. *Vestnik Buryatskogo gosudarstvennogo universiteta – The Buryat State University Bulletin*. 7. pp. 21–26.
12. Glushaev, A.L. (2012) "With no Preachers, at the Corner of Barracks...": Protestant "Barrack Communities" in Perm'-Kama Region in 1940–1950-s. *Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom – State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 30(3–4). pp. 257–283. (In Russian).
13. Glushaev, A.L. (2012) Spetsposelentsy i religioznye dvizheniya permskogo Prikam'ya. 1940 – 1950-e gody [Deportees and religious movements of the Prikamye Perm Region. 1940–1950s]. *Religiovedenie*. 1. pp. 50–55.
14. Krasilnikov, S.A. & Sarnova, V.V. (2009) Spetsposelentsy [Deportees]. In: Lamin, V.A. (ed.) *Istoricheskaya entsiklopediya Sibiri* [Historical Encyclopedia of Siberia]. Vol. 3. Novosibirsk: Istoricheskoe nasledie Sibiri. pp. 164–168.
15. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 243.

16. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 121. List 121. File 242.
17. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 241.
18. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 122. File 46.
19. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 384.
20. The State Archive of Novosibirsk Region (GANO). Fund P-4. List 34. File 257.
21. The Russian State Archive of Social and Political History (RGASPI). Fund 17. List 121. File 611.
22. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1140.
23. Sergienko, V.A. (ed.) (1995) *Neizvestnyy Kuzbass. Sbornik arkhivnykh dokumentov* [Unknown Kuzbass. Collection of archival documents]. Vol. 2. Kemerovo: [s.n.].
24. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-75. List 2. File 303.
25. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-75. List 7. File 197.
26. The State Archive of Kemerovo Region (GAKO). Fund P-75. List 2. File 227.
27. Konovalov, A.B. (2010) Beseda so stalinskim narkomom Aleksandrom Nikolaevichem Zademidko v 2000 godu [Conversation with Stalin's Commissar Alexander Nikolaevich Zademidko in 2000]. In: Kuznetsova, L.F. (ed.) *Razyskaniya: istoriko-kraevedcheskiy al'manakh* [Research: a local history almanac]. Kemerovo: Primula.
28. The State Archive of the Altai Territory (GAAK). Fund P-1. List 30. File 50.
29. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1148.
30. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1924.
31. The Documentation Center of the Latest History of the Tomsk Region (TsDNITO). Fund 607. List 1. File 1942.
32. Shkarovskiy, M.V. (1999) *Iosiflyanstvo: techenie v Russkoy Pravoslavnoy Tserkvi* [Josephism: the course in the Russian Orthodox Church]. St. Petersburg: Memorial.
33. Zemskov, V.N. (1991) Zaklyuchennyye, spetsposelentsy, ssyl'noposelentsy, ssyl'nye i vyslannyye (Statistiko-geograficheskiy aspekt) [Prisoners, special settlers, deportees, exiles and deportees (Statistical-geographical aspect)]. *Istoriya SSSR*. 5. pp. 151–165.
34. The Central State Archive of the Republic of Khakassia (TSGARKh). Fund 2. List 1. File 2364.
35. Fedirko, O.P. (2018) Pyatidesyatniki Amurskoy oblasti vo vtoroy polovine XX v. [Amur Pentecostals in the second half of the 20th century]. In: *Rossiya i Kitay: istoriya i perspektivy sotrudnichestva* [Russia and China: history and prospects of cooperation]. Blagoveshchensk: Blagoveshchensk State Pedagogical University. pp. 185–189.